

ИНТЕРВЬЮ С Л.Б. ФИЛОНОВЫМ

От редакции. В память о большом ученом и замечательном человеке Льве Борисовиче Филонове мы публикуем его последнее интервью. Беседу провела 2 июля 2015 г. *Татьяна Петровна Будякова* — кандидат психологических наук, и.о. зав. кафедрой психологии и педагогики Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина. В данном интервью личность Льва Борисовича Филонова раскрылась как многогранная, развивающаяся и творческая.

Т.П. Будякова (далее Т.Б.): *Почему в свое время, выбирая между юриспруденцией и психологией, Вы выбрали психологию?*

Л.Б. Филонов (далее Л.Б.Ф.): Вероятно, в связи с тем, что с самого начала я интересовался разнообразными правонарушениями и не мог принять объяснение, что правонарушение является исключительно дефектом правосознания. Такая позиция доминировала в то время в советской науке. Иными словами, мой профессиональный выбор обусловила заинтересовавшая меня проблема отклонений в поведении, которые в дальнейшем способствуют совершению противоправных поступков и особенно преступлений. Юридическое образование позволило мне ориентироваться в юридически значимых конструкциях, связанных с нарушением норм, и предоставило возможность сбора необходимого практического материала (материалов уголовных дел, обзоров судебной практики по уголовным делам и др.). Психологическое образование обеспечило мне преимущество перед юристами в объяснении правонарушений. Правосознание — юридическая категория, но ее смысл невозможно понять без понимания сущности сознания как способа отражения объективной реальности, в том числе и опосредованной правом. Я начал с проблемы выявления тех следов, которые остаются в психике после воздействия юридических «инструментов». Именно психология давала возможность изучить: имело ли место при совершении преступления, а также до и после него, нарушение психических процессов и состояний личности преступника, а также иных психических образований. Наконец,

значимо было прослеживание путей, которые определяют возникновение и развитие девиаций. В частности, было установлено, что возникшие девиации в структуре личности приобретают уже самостоятельное значение и, что самое опасное, противостоят нормальным социальным проявлениям человека (его отношениям в социуме, правильным ролевым исполнениям).

Т.Б.: *Вы долго занимались спортивной борьбой, самбо. Как это повлияло на Вашу жизнь и профессиональные интересы?*

Л.Б.Ф.: Действительно, само занятие специфической борьбой, которая в России получила название «САМБО» (самооборона без оружия), всегда погружает человека в атмосферу принятия быстрых решений. Практически можно сказать что это — «шахматы в одну секунду». В тех секциях, в которых я руководил борьбой, я специально культивировал психологические конструкции, обеспечивающие высокую степень рефлексии, т.е. предвидение ответов партнера и построение новых ответных действий для достижения конечного результата («рефлексивная связка»). Специально проводились психологические эксперименты по установлению «выигрыша позиций» при знании исходных или предполагаемых качеств партнера. Существенным представлялось установление психологического контура противника и соотнесение с этим контуром его вероятностных действий. Вместе с заслуженным тренером по самбо А.А. Харлампиевым мы планировали написать книгу «Психология тактики индивидуального боя».

Т.Б.: *Как Вы относитесь к широкому использованию опросников как при проведении научных исследований, так и в практической диагностике, например при приеме на работу? Почему экспериментальный метод как основополагающий метод научной психологии сегодня так мало востребован?*

Л.Б.Ф.: Ваш вопрос представляется и современным, и своевременным. Действительно, чрезвычайно простые решения проблем путем постановки, прямо можно сказать, «произвольных вопросов» не имеют прямого отношения к объективному научному познанию. Каждый формулирует вопрос так, как ему заблагорассудится, без соотнесения с той проблемой, которая породила этот вопрос. Более того, конструкция вопросов не представляется *форматированной*. Отсутствует также представление об использовании исходных характеристик того объекта, относительно которого ставятся вопросы. Отсутствует представление о конструкциях отдельных компонентов, которые входят в структуру какой-либо системы. Вопросы

часто не соотносятся с условиями, которые их породили. Р. Кэттелл достаточно образно определил «вопрос» как «разбавленную ситуацию». Эта «разбавленность» или, точнее, «размытость» — серьезный дефект опросников. Представляется, что в этом случае не исключено получение артефактов. Кроме того, разнородность конструкций поставленных вопросов дает картину, которая в принципе является ошибочной. Вы верно отметили, что наибольший вред опросники могут причинить на практике, в том числе в случаях, когда имеет место диагностика личности при приеме на работу.

Общий вывод: для улучшения качества опросников необходимо создать единую согласованную схему постановки вопросов и, главное, их конструировать и соотносить с требованиями задач диагностики. При этом важно уяснить, что результаты опросников, в силу их априорно неустрашимой субъективности (испытываемый всегда манипулирует, думает, как более выгодно для себя ответить, не говоря уже о том, что не всегда понимает суть вопросов), надо обязательно дублировать более надежными экспериментальными методиками.

Почему экспериментальный метод не является сегодня распространенным? Эксперимент — более надежный, но более затратный по времени и иным ресурсам метод. Для проведения экспериментального исследования необходимо создание принципов, установок, а также технологий. А главное, не только разработка хорошей методики эксперимента, но и его проведение требуют высокого профессионализма. С опросником проще: раздал бланки, затем собрал бланки, затем обработал. А далее неясно, соответствуют ли данные опросника реальности. Только эксперимент может это выяснить.

Т.Б.: *Однажды Вы сказали, что боялись наступления возраста в 60 лет, так как предполагали, что будете не востребованы на пенсии. Как психологически правильно переходить из одного возрастного этапа в другой?*

Л.Б.Ф.: Действительно, такое состояние имело место, и оно переживалось как тяжелое для человека, который не сумел еще реализовать свои замыслы и цели. Но волею судеб отношение работодателя к человеку, желающему реализовать свои цели и имеющему для этого потенциал, оказалось благоприятным. Более того, само постоянное стремление к получению новых результатов или же подтверждению правильности ранее полученных результатов породило желание заниматься проблемами смежных отраслей психологии. В настоящее время в поле моего внимания находятся не только вопросы юридической психологии и вопросы, связанные

с построением методов диагностики (школа комплексной диагностики личности). У меня есть горячее желание работать во вновь открывшейся сфере деятельности, которая связана с психологической антропологией. К сожалению, деятельность лаборатории психологической антропологии в Российском институте культуры Министерства культуры РФ в настоящее время приостановлена.

Я говорю «к сожалению», потому что это направление, изучающее общение, ориентировано не на конфликт, а на контакт. Предполагается, что контактное взаимодействие будет в будущем превалировать над конфликтным. Иными словами, предпочтение, вероятно, будет отдаваться не конфликтологии, но контактологии. К примеру, ряд спорных вопросов в конфликтологии решается при помощи компромисса, в то время как в контактологии предлагается устанавливать отношения (и менять отношения), используя принцип «комплементарности», т.е. взаимного дополнения. В этом случае акцент каждого из участников коммуникативного процесса будет перемещен на поиски улучшений во вновь создаваемой общей системе контактов.

Экскурс в мои переживания, касающиеся увлеченности и включенности в разработку современных проблем психологии, свидетельствует о том, что возраст не играет существенной роли, когда человек занимается исследовательской работой, когда он является исследователем, стремящимся к свершению всех задуманных конструкций и композиций.

Возможно, здесь имеет место известный «феномен Зейгарник». Последний заключается в том, что у человека всегда сохраняется в оперативной памяти «незавершенное действие», стимулирующее человека к активности. Это состояние продолжается до тех пор, пока не будет достигнута цель деятельности, а точнее пока не завершено задуманное.

Как психологически правильно переходить из одного возрастного этапа в другой? Правильный подход состоит в понимании необходимости смены периодов и психологической готовности к этому. Есть даже такой тренинг, где отрабатывается специальная «модель смены состояний».

Т.Б.: Кто из психологов оказал наибольшее влияние на Ваше профессиональное становление?

Л.Б.Ф.: Изначально и наиболее основательно на меня оказал влияние Петр Алексеевич Шеварев, который привил мне, как и всем сотрудникам его лаборатории восприятия и памяти в Институте психологии АПН СССР (ныне Психологический институт

РАО), желание и стремление углубляться в современные вопросы психологии, особенно в те, которые связаны с механизмами конструирования и становления как психических процессов, так и психологических состояний. Естественно, что общее влияние на всех исследователей оказывала атмосфера, созданная Анатолием Александровичем Смирновым — директором Института психологии. Можно сказать, что все сотрудники института оказывали заметное влияние на каждого стремящегося к проведению экспериментов и созданию собственной линии исследования. Это была мощная экспериментальная психологическая база в СССР. Далее, естественно, на мое профессиональное развитие повлияли все идеи Алексея Николаевича Леонтьева, который пригласил меня на факультет психологии МГУ. На факультете меня наиболее впечатлили установки всех сотрудников на коллективные научные обсуждения. Они проходили и на кафедрах, и в лабораториях. Тон этим обсуждениям задавал Александр Романович Лурия.

Однако наибольшее влияние на меня оказала моя сестра, Людмила Борисовна Ермолаева-Томина, которая занималась исследованием творчества в лаборатории Бориса Михайловича Теплова. Именно она обратила мое внимание на важность создания у человека стремления к индивидуальному творчеству. Результатом моего стремления к новому и неизведанному стало создание научной школы психологической антропологии. Можно полагать, что в будущем наиболее перспективными и привлекательными для психологов станут исследования, в которых будет программироваться использование всех скрытых ресурсов каждого индивидуума.

Т.Б.: На научной конференции «Психология как ресурс народного хозяйства России», проходившей в 2005 г. на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, один из ее участников сказал, что психология, к сожалению, не является ресурсом народного хозяйства. Каково значение психологии для народного хозяйства в настоящее время?

Л.Б.Ф.: Психология пока не стала существенным ресурсом народного хозяйства России. ПОКА не стала. Однако можно утверждать, что психология вскоре станет первым источником для получения основных и исходных сведений, значимых для всех институтов, входящих в систему народного хозяйства, естественно, в большей мере для гуманитарных сфер. В последнее время появилось так называемое антропологическое засилье. Появилось очень много антропологий: политическая, экономическая, юридическая и даже медицинская и визуальная. Это объясняется тем, что объект

исследования — человек — является системным образованием, и это обстоятельство задает многочисленные траектории его изучения. Началось изучение не просто человеческого фактора, а отдельных, отчетливо разделяемых психологических детерминант, оказывающих влияние на функционирование и развитие различных отраслей народного хозяйства.

Среди этого потока исследований, на мой взгляд, наиболее перспективными выглядят исследования творческого потенциала личности. В триаде «индивид, личность, индивидуальность» наиболее существенным элементом является именно «индивидуальность». Именно эта композиция ориентирует личность на поиск оптимальных решений во всех сферах народного хозяйства.

Т.Б.: *Труды кого из иностранных исследователей, по Вашему мнению, являются наиболее значимыми для реализации Ваших изысканий?*

Л.Б.Ф.: Мне интересны труды по методологии психодиагностики, работы по юридической психологии и антропологии. В соответствии с парадигмой «ограничения и допущения» мы допускали универсальную базу некоторых теоретических конструкций для всех изысканий. В то же время в качестве ограничения всегда выступали представления об иных (зарубежных) культурологических основаниях. Предполагалось, что иная среда, которая обеспечила возникновение конкретных теоретических взглядов и специфических направлений, оказала на них существенное влияние, которое надо иметь в виду. Практически здесь необходимо помнить и об особенностях нашей (российской) выборки, которая существует в нашем собственном социокультурном пространстве, и адаптировать к ней зарубежные методологические подходы.

В первую очередь для меня значимы категорические суждения Карла Поппера о необходимости опираться только на факты. Это означает сбор реальных материалов и их обоснование в основном через результаты, полученные путем эксперимента. Это означает также необходимость считаться с очередностью выстраивания поступающих доказательств. Эти доказательства могут возникнуть как следствия специально организованной проверки первоначально возникших доводов. Значимо предложение Поппера о специально высказываемых сомнениях. Это способствует формированию психологической уверенности в правильности полученных результатов.

Вторым исследователем, работы которого помогают упорядочить научный материал, является Карл Роджерс, предложивший

«терапию, центрированную на клиенте». По мнению Роджерса, специально организованное воздействие должно соотноситься либо с его приемлемостью, когда ожидается появление оснований для изменений личности клиента, либо с сопротивлением воздействию, когда оно представляется клиенту опасным. В последнем случае предполагается учитывать эффект сопротивления, возникающего при неадекватном воздействии.

Меня привлекает также «конструкция открытой личности», предложенная Гордоном Олпортом. Указанная концепция допускает готовность любого человека принять то, что будет соответствовать линии улучшения его личности. Для меня это означает направленность на принятие всего, что связано с «аристогенезом», т.е. того, что всегда улучшает ту или иную составляющую человека или связано с намерением ее совершенствования.

В практическом плане мне импонирует книга Уильяма Крэйна «Психология развития человека (25 главных теорий)». В ней реализован принцип постоянной концентрации внимания на наиболее ценных формулировках отдельных авторов, когда парадигмы отдельных теорий дают возможность выстроить «проблемное поле» или «детерминационное поле». Концентрированные и обоснованные схематические формулировки обеспечивают возможность их сопоставления и выделения наиболее значимых конструкций.